

Колтаков Евгений Александрович

РОЛЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Статья выявляет роль системного подхода в изучении феномена политической власти и показывает, как решалась возникшая в ходе утверждения данного подхода проблема "расфокусировки" понятия "политическая власть". Автор приходит к выводу, что само по себе утверждение системного подхода в политической науке диктовало и становление соответствующей парадигмы в исследованиях политической власти. На основе анализа степени институционализации политической власти автор предлагает разработать методологию оценки её эффективности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 88-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 3; 32:303.822.4

Политология

Статья выявляет роль системного подхода в изучении феномена политической власти и показывает, как решалась возникшая в ходе утверждения данного подхода проблема «расфокусировки» понятия «политическая власть». Автор приходит к выводу, что само по себе утверждение системного подхода в политической науке диктовало и становление соответствующей парадигмы в исследованиях политической власти. На основе анализа степени институционализации политической власти автор предлагает разработать методологию оценки её эффективности.

Ключевые слова и фразы: системный подход; политическая власть; код власти; коммуникация; политическая система; методология политической науки.

Колтаков Евгений Александрович*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**evgkoltakov@yandex.ru*

РОЛЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ®

Многие политологи в своих работах сегодня часто бывают методологически не совсем последовательны. Например, в исследованиях часто указывается на использование системного подхода, однако политическая власть при этом понимается *сузубо* «классически» (то есть *всецело* в рамках «атрибутивно-реляционной» парадигмы), что не вполне корректно, так как язык описания того или иного явления должен соответствовать выбранной методологии исследования данного феномена. Поэтому, чтобы быть последовательными в рамках парадигмы системного подхода, необходимо, как минимум, не упускать из вида «системную» составляющую феномена политической власти. Если же этого не делать, подобная невнимательность к методологической строгости в научных работах, как правило, приводит к тем или иным предметным абберациям в ходе данных исследований. Что, в свою очередь, имеет следствием неверные выводы из этих исследований в целом, потому что указанные искажения не всегда удаётся вовремя и корректно отрефлексировать. С данной точки зрения ответ на вопрос о роли системного подхода в становлении «системной» парадигмы в исследованиях политической власти представляется нам очень важным.

Конечно, и сама по себе проблема *определения* понятия «политическая власть» сложна и многогранна. Но это *отдельная* тема. В конце концов, что именно в данный конкретный момент понимается под политической властью, тот или иной добросовестный исследователь всегда может (а на самом деле должен) указать сам. Важно лишь отметить, что проблемы определения понятия политической власти и его корректного применения являются перманентно актуальными. Нас интересует сейчас прежде всего вторая проблема. Поэтому нам важно указать на важность того, в каком именно методологическом контексте и *как* данное понятие сегодня применяется. И именно вопросы, связанные с *системным* пониманием феномена политической власти в контексте соответствующей парадигмы, представляются нам наиболее важными и актуальными на сегодняшний день в политической науке.

Итак, мы исходим из того, что системный подход, окончательное утверждение которого в науке в целом связано с именами Александра Александровича Богданова, Норберта Винера и Людвиг фон Бергаланфи, а непосредственно в социальных науках (в том числе и в политологии) с такими именами, как Толкотт Парсонс, Дэвид Истон, Габриэль Алмонд, Никлас Луман, Мишель Фуко, Юрген Хабермас и другими, является сегодня в политической науке господствующим. Поэтому необходимо следовать данному подходу более строго, быть методологически более последовательными. Данные соображения заставляют нас обратиться к выявлению роли системного подхода в контексте становления «системной» парадигмы изучения политической власти. Это есть цель нашего исследования. И для этого мы обратимся к интересующим нас моментам в творчестве некоторых из перечисленных выше мыслителей. Также мы постараемся показать практический выход «системного» понимания феномена политической власти.

Что касается нашей гипотезы, то мы считаем, что поиск «системной» составляющей в понимании явления политической власти с необходимостью и органично вытекал из *самой* системной методологии. Иными словами, диктовался всё большим применением системного подхода в политической науке в целом и в ходе исследований феномена политической власти в частности. Поэтому и функции политической власти в рамках системного подхода нужно было отрефлексировать и концептуализировать, соответственно, более «системно», более фундаментально. Можно предположить, что исследовательская задача заключалась в том, чтобы найти такую составляющую феномена политической власти, которая функционально характеризовалась бы определённой эмерджентностью, то есть системным, а, следовательно, *качественным*, эффектом, в принципе не сводимом к простой сумме элементов системы.

Возможно, системный подход диктовал направление мысли в сторону поиска таких оснований феномена политической власти, которые, с одной стороны, были бы одновременно «свободны» от персонифицированности и, что важнее, от субъектности в целом; а с другой стороны, субъектность и персонифицированность, в свою очередь, должны были бы *выводиться* из этих оснований как из фундаментальных. Другими словами, нужно было, придерживаясь деперсонифицированного понимания политической власти,

найти и концептуализировать *асубъектную* составляющую феномена, которая, исходя из логики системной методологии, *должна была* существовать и тем или иным образом проявляться. И для этого исследователям необходимо было найти соответствующую данной задаче ту или иную метафору.

Толкотт Парсонс, например, в своей работе под названием «О понятии “политическая власть”» использовал метафору денег при определении последней и тем самым сделал важный шаг в направлении «системного» понимания интересующего нас феномена: «Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества (как я их себе представляю) – экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов» [1, с. 479]. Другими словами, Парсонс предлагает здесь понимать политическую власть в качестве некоего символического капитала, подобного деньгам. Кроме того, у Парсонса политическая власть в качестве символического капитала циркулирует прежде всего в *политической* подсистеме, а не в подсистеме интеграции, которая и ассоциируется чаще всего с политической властью в субстанциальном и субъектном понимании последней (напомним, что подсистема интеграции у Парсонса связана с институтом государства). Нельзя не отметить, что данный трюк с элиминированием искомой «системной» составляющей политической власти из подсистемы интеграции позволил Парсонсу не только решить теоретико-методологическую проблему выявления и концептуализации *асубъектной* составляющей феномена политической власти, но даже условно развести субъектность и асубъектность последней по разным подсистемам. Таким образом, в рамках системного подхода было положено начало концептуализации *асубъектной* составляющей политической власти.

Не трудно заметить, что с точки зрения сугубо «субстанциального», то есть «несистемного», понимания феномена политической власти «системная» парадигма часто воспринимается некоторыми исследователями как парадоксальная. Но, если присмотреться повнимательнее, то становится ясно, что ничего противоречивого в «системном» подходе к изучению политической власти на самом деле нет. Да, в «системной» парадигме соответствующая составляющая феномена «несубстанциальна», деперсонифицирована и *асубъектна*, однако, например, подсистема интеграции в рамках структурно-функциональной модели Парсонса всё-таки выполняет определённую и вполне *субъектную* функцию. Ведь государственный институт в модели Парсонса *выражает* волю народа, то есть – *представляет* весь социум в целом. Это, конечно, не является *вполне* субъектным функционалом, однако помимо представительских функций институт государства обладает в модели Парсонса вполне субъектной функцией *принуждения*. Следовательно, у Парсонса, в рамках его структурно-функционального подхода к социуму, место для «классической» *субъектной* политической власти всё-таки есть. Несмотря на это замечание, нам сейчас важно зафиксировать, что *акценты* в понимании «системности» политической власти в рамках системного подхода были всё же смещены Толкоттом Парсонсом в сторону *деперсонификации* и *асубъектности* данного феномена. Что было выражено, собственно, соответствующим сравнением «системного» понимания явления политической власти с функцией денег. Можно даже сказать, что данное смещение акцентов привело к новому, сугубо «системному», понятию политической власти.

Тем не менее, процесс утверждения в рамках системного подхода такого понятия политической власти, которое связано в первую очередь с тем, что данный феномен на фундаментальном уровне носит именно *асубъектный* характер, нельзя назвать простым. Даже классики системного подхода продолжали обозначать термином «власть» и понятие институтов, связанных с упомянутыми выше *представительскими* и *принудительными* функциями государства, и понятие структур, также наделённых вполне *субъектными* функциями эффективного ответа политической системы на тот или иной вызов. К примеру, Дэвид Истон употребляет термин «власть» в разных, в том числе и *субъектных*, значениях, причём, иногда даже без их чёткого разграничения, так сказать в некотором «миксте», хотя и с определённым преобладанием (в зависимости от контекста) того или иного значения. Говоря, например, о дискретной природе политической системы, больше в *репрезентативном* значении: «Когда мы говорим о политической системе как действующей, то надо помнить, что её не следует представлять как нечто монолитное. Для того чтобы обеспечить возможность коллективного действия, в ней существуют те, кто выступает *от* имени или во имя системы. Мы можем определить их как *власти*» [Там же, с. 640]. А когда пишет об эффективности ответов политической системы на внешние для неё вызовы, употребляет термин «власть» уже во вполне *субъектном* значении: «...Важным является допущение о том, что для того, чтобы выжить, система должна быть способна отвечать с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении» [Там же, с. 641-642].

Таким образом, в процессе утверждения в политологии системного подхода как никогда ранее выявилась естественным образом вытекающая из него проблема «расфокусировки» понятия «политическая власть». И многим исследователям политической жизни социума стало понятно, что работать с данной категорией политической науки в рамках системной парадигмы без соответствующей данному подходу серьёзной концептуальной коррекции будет сложно. В том числе поэтому количество трудов на тему политической власти до сих пор не иссякает. В целом, можно указать на два основных направления исследований, которые выделились в ходе решения проблемы «расфокусировки».

Первое направление исследований развивает «системную» составляющую политической власти. Здесь одним из самых ярких и *знаковых* мыслителей, доведшим «системную» составляющую понятия политической власти до «предела», является Мишель Фуко с его *абсолютно* деперсонифицированной и *асубъектной* «дисциплинарной» властью, буквально «растворённой» в обществе и проявляющейся в виде тех или иных дисциплинарных практик, будь то в детском саду, средней и высшей школе, армии, тюрьме, психиатрической клинике, заводе или офисе.

Второе направление исследований пытается примирить *все* составляющие политической власти, оставляя, однако, приоритет за «классическим» понятием. В данном направлении исследований необходимо отметить прежде всего хорошую обобщающую работу Стивена Льюкса, которая носит название «Власть: радикальный взгляд». В монографии Льюкса речь идёт о трёх так называемых «лицах» власти: 1) контроль над принятием решений; 2) контроль над повесткой дня (или контроль над политическим дискурсом); 3) контроль над политической социализацией и над культурным «фоном» того или иного общества в целом. Заметим, что не только третье «лицо» власти, как мы видим, очень напоминает «дисциплинарную» власть Мишеля Фуко, но и в определённой степени второй «лик» тоже. Данное направление мы здесь рассматривать не будем, так как нас интересует прежде всего становление *«системной»* парадигмы изучения политической власти в контексте утверждения системной методологии в политологии в целом. Поэтому вернёмся к «системному» направлению исследований.

И для начала вновь обратимся ненадолго к концепции власти Толкотта Парсонса. Несмотря на аналогию с деньгами, в своей модели социума данный мыслитель всё же находит место для субъектности политической власти. «Власть, таким образом, является реализацией обобщённой способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [Там же, с. 481], – пишет Парсонс. Можно сказать, что власть, как и деньги, характеризуется периодической *локализацией*, то есть концентрацией в определённых руках и, что ещё важнее, в тех или иных структурах. И именно данное свойство политической власти как ресурса, подобного деньгам, *локализовываться* является одним из необходимых условий, благодаря которым возможна её качественная трансформация из «системного» (то есть эмерджентного) ресурса в субъектную, то есть в «классическую», политическую власть.

Далее, если мы обратимся к модели коммуникативной демократии (делиберативной политики) Юргена Хабермаса, то увидим, что и здесь концептуализируется *«системная»* коммуникативная власть. С другой стороны, формируясь изначально во всём обществе, эта *асубъектная*, то есть носящая «системный» характер, коммуникативная власть трансформируется затем посредством делегирования определённых полномочий во вполне *субъектную* административную власть, которая, в свою очередь, снова, вполне *субъектным* образом, транслируется в социум. Другими словами, можно сказать: общество само на себя *ретранслирует асубъектную* коммуникативную власть посредством вполне *субъектной* административной власти в качестве инструмента такой ретрансляции. «Общественное мнение, переработанное согласно демократическим процедурам в коммуникативную власть, само “господствовать” не в состоянии, но может лишь направлять употребление административной власти в определённые каналы» [24, с. 398] – пишет Хабермас. Можно было бы и дальше приводить примеры того, как в основанных на системном подходе концепциях и моделях с соответствующих теоретико-методологических позиций концептуализируется феномен политической власти. Однако сквозная идея понятна уже сейчас – *методология системного подхода требует понимания и, как минимум, учёта «системного» компонента феномена политической власти в качестве базового*. Тем не менее, хотелось бы всё-таки завершить наш анализ рассмотрением концепции политической власти Никласа Лумана.

В отношении политической власти перед немецким мыслителем стояла фундаментальная задача: концептуализировать данный феномен с позиций и в рамках общей теории *самореферентных* социальных систем. То есть таких систем, которые благодаря самореференции воспроизводят себя в своей идентичности. И понятие политической власти здесь должна была отводиться очень важная структурообразующая функция. «...Следует прежде всего различать отношения зависимости между окружающим миром и системой от отношений зависимости между системами. Это различие подрывает старую тематику господства/подчинения. Могут ли и насколько далеко могут развиваться отношения, в которых одна система доминирует над другой, не в последнюю очередь зависит от того, как обе системы и система их отношений зависят от соответствующего окружающего мира. В этом смысле власть, хотя и “абсолютная”, из которой исходили прежние модели империи, никогда не была ни сильной, ни детерминирующей, а являлась скорее модусом описания системы, выражавшим известную возможность системы распоряжаться собою» [16, с. 43-44], – пишет немецкий мыслитель.

Далее, необходимость концептуализации феномена в рамках общей теории *самореферентных* социальных систем привела Лумана к постановке следующей конкретной и нетривиальной задачи: «...Понять феномен власти как символически генерализированное средство коммуникации и проанализировать его в связи с теорией в целом» [12, с. 10]. Можно заметить, что немецкий мыслитель, выполняя данную задачу, положил в основу своей концепции политической власти теорию коммуникации. Это было ему необходимо для того, чтобы, с одной стороны, дифференцировать диспозиционную составляющую политической власти, то есть *код*, и саму эту *коммуникацию* как процесс функционирования данного феномена, а с другой стороны, абстрагироваться от «субстанциальной» составляющей последнего, что позволяло одновременно и эффективно решить задачи деперсонификации и десубъективации власти. «Возможно, наиболее важное новшество теории средств коммуникации в сравнении со старыми теориями власти состоит в том, что она понимает феномен власти на основе различия между кодом и процессом коммуникации и поэтому не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнёров властных отношений» [Там же, с. 29], – пишет в этой связи Луман. Здесь важно то, что именно *сам код власти* способствует тому, что в процессе коммуникации политическая власть *воспринимается* как персонифицируемая и субъектная. «Источником всех возможностей усиления власти является *генерализация символов*, которая также лежит в основе дифференциации кода и процесса. Под генерализацией следует понимать обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнёрами в различных ситуациях с целью извлечения тождественных

или сходных заключений. <...> Под символизацией (символами, символическими кодами) следует понимать упрощённое выражение некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство» [Там же, с. 52-53], – пишет немецкий мыслитель. Обратим внимание, что ключевым словом здесь является «код». Именно код власти, по Луману, выступает тем средством коммуникации, с помощью которого *все* структурно-функциональные элементы того или иного социума могут «видеть» в окружающем их мире «классическую» картину господства/подчинения. А это значит, что именно посредством функционирования в том или ином социуме кода власти оказывается возможным реальная иерархия элементов системы, как особый вид социальной дифференциации. Код власти, собственно, «задаёт» пространство возможного/невозможного для *всех* структурно-функциональных элементов того или иного социума. «Под кодом мы будем понимать такую структуру, которая для *каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент*» [Там же, с. 54].

Таким образом, отметим, что системный подход в политологии сделал очень многое для понимания важности феномена политической власти в жизни общества. Прежде всего, данный подход предложил новое «системное» понимание политической власти, которое позволило различать персонифицированное и субъектное *проявление* данного феномена и деперсонифицированную и асубъектную его *основу*. Что, в свою очередь, сделало возможным отделять проблемы легитимации отдельных, конкретно взятых, властных структур и их представителей от, собственно, проблем легитимации в обществе *самого* института политической власти как такового, то есть как символически генерализированного средства коммуникации самого по себе. «...Нельзя оспаривать, что институционализация утвердившейся легитимной власти является феноменом гораздо большего общественного значения, нежели жестокость и своекорыстие власть имущих» [Там же, с. 31], – пишет, например, в этой связи Луман.

Наше же исследование, со своей стороны, показало, что: 1) утверждение системного подхода в политологии сыграло ключевую роль и в смене парадигмы в понимании и изучении феномена политической власти; 2) с точки зрения методологии необходимо более строго подходить к политологическим исследованиям в целом и к исследованиям феномена политической власти в частности, особенно в рамках системного подхода. «*Более строго*» в данном случае означает, что категориально-понятийный аппарат того или иного исследования должен соответствовать выбранной методологии. Или, другими словами, выбор методологии анализа сам по себе должен диктовать (на самом деле он и диктует) применение в том или ином исследовании соответствующих понятий и категорий. В противном случае, аберрации конкретного предмета того или иного исследования, даже не связанного напрямую с феноменом политической власти, будут неизбежны. А искажения предмета исследования будут приводить, в свою очередь, к тем или иным аберрациям в конкретных результатах, а следовательно, к неверным выводам в целом.

И последнее, о чём хотелось бы сказать в данной работе. Так как с точки зрения системного подхода политическая власть – *это основанный на коде власти, а следовательно, политический, институт, который посредством политической коммуникации призван обеспечивать эффективное функционирование того или иного социума как единого целого*, условием институционализации данного института и критерием его легитимности будет выступать темпоральная (то есть включающая в себя ретроспекцию, проспекцию и перспекцию) эффективность соответствующего социума в целом. Другими словами, это означает, что само по себе наличие института политической власти уже говорит об определённой его эффективности в том или ином обществе. Отсюда просматривается практический выход нашей работы. На основе анализа степени институционализации (например, по критерию персонифицированности/деперсонифицированности) феномена политической власти можно разработать методологию оценки эффективности структуры политической власти не только того или иного государства, но и (если речь идёт о федерациях) региональных политических сообществ. Применительно к Российской Федерации это особенно актуально в силу её асимметричного характера. К примеру, те субъекты федерации, где высока степень институционализации политической власти, по крайней мере могут считаться относительно оптимальными с точки зрения институционального дизайна их региональных политических систем, и наоборот – субъекты федерации, в которых степень институционализации политической власти низка, нуждаются либо в серьёзных политических реформах, либо в объединении с другими субъектами федерации. Всё это может повысить управление Федерацией в целом, так как не будет способствовать политическим кризисам в субъектах при сменах там политических элит и, соответственно, не будет требовать ручного управления из Федерального центра.

Список литературы

1. **Антология мировой политической мысли:** в 5-ти т. М.: Мысль, 1997. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. 830 с.
2. **Антоновский А. Ю.** Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ-РАН, 2007. 135 с.
3. **Аристотель.** Политика. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 393 с.
4. **Берёзкина О. С.** Очерки истории и теории политической науки: учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 240 с.
5. **Бурдьё П.** Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. **Гидденс Э.** Устроение общества: очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
7. **Категории политической науки:** учебник / автор концепции и руковод. авт. коллектива А. Ю. Мельвил. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 656 с.
8. **Когнитивные модели и институциональные трансформации:** сборник научных статей / под ред. д.и.н., профессора В. М. Сергеева. М.: Линор, 2003. 196 с.
9. **Колтаков Е. А.** Предметное поле политологии. К идентификации объёма понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55). Ч. 1. С. 93-98.

10. **Ливенко В. И.** Политическая система (к уточнению содержания понятия) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. 2. С. 109-112.
11. **Луман Н.** Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 360 с.
12. **Луман Н.** Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
13. **Луман Н.** Общество общества. М.: Логос, 2011. Кн. 1. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского; Кн. 2. Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова; Кн. 3. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского.
14. **Луман Н.** Общество общества. М.: Логос, 2011. Кн. 4. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова; Кн. 5. Самоопи- сания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой.
15. **Луман Н.** Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 43-54.
16. **Луман Н.** Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
17. **Льюкс С.** Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы эконо- мики, 2010. 240 с.
18. **Парсонс Т.** Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалёва. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
19. **Политология:** лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 800 с.
20. **Сулимин А. Н.** Нелинейная модель функционирования политической системы // Исторические, философские, поли- тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 2. С. 185-187.
21. **Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза** / под ред. С. У. Ларсена; пер. с англ. Е. А. Жуковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 751 с.
22. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/index.php (дата обращения: 18.01.2014).
23. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/index.php (дата обращения: 17.02.2014).
24. **Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
25. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. 379 с.

ROLE OF SYSTEMIC APPROACH IN STUDYING POLITICAL POWER

Koltakov Evgenii Aleksandrovich
M. V. Lomonosov Moscow State University
evgkoltakov@yandex.ru

The article reveals the role of systemic approach in studying the phenomenon of political power and shows how they addressed the problem of “defocusing” the conception “political power”, which arose while this approach adoption. The author concludes that the very adoption of systemic approach in political science conditioned the formation of the appropriate paradigm in political power studies. Relying on the analysis of the institutionalization level of political power the researcher proposes to develop the methodology to evaluate its efficiency.

Key words and phrases: systemic approach; political power; code of power; communication; political system; political science methodology.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена самиздатской деятельности в среде диссидентов Западной Сибири. Автор раскрывает мотивы, побуждавшие инакомыслящих к изданию и распространению самиздатских материалов. Особое внимание уделено таким крупным городам Западной Сибири как Новосибирск и Томск, где преобладала научная интеллигенция региона. Сделан вывод о том, что самиздат являлся способом индивидуального самовыражения, формой независимого творческого процесса, осуществлявшегося вопреки запретам властей.

Ключевые слова и фразы: самиздат; диссиденты; инакомыслие; политические репрессии; история Западной Сибири.

Кузнецова Анастасия Александровна
Сургутский государственный университет
smirnova_aa@list.ru

САМИЗДАТ В СРЕДЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ДИССИДЕНТОВ (1970-Е – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)[©]

Самиздат – уникальное социально-культурное явление, которое всегда было неотъемлемой частью диссидентского движения, поскольку в условиях жесткой цензуры в СССР распространение информации могло осуществляться только неофициальным способом, как правило, машинописным, фотографическим или рукописным.